

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В АРХЕОЛОГИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ**

УДК 904.54(584.4) 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.8.18>**ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, МИГРАЦИИ
И АВТОХТОННОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
РАННЕГО И СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА**

© 2026 г. Х.А. Назаров

В статье комплексно анализируются взаимосвязи климатических условий, природной среды и хозяйственно-культурных систем Центральной Азии от палеолита до исторических эпох. Основное внимание уделено влиянию чередования ледниковых и межледниковых фаз на трансформацию обитаемости региона, формирование «миграционных коридоров» и адаптацию древних популяций к изменяющимся экологическим условиям. Периоды относительной стабильности и изобилия ресурсов способствовали формированию локальных хозяйственно-культурных традиций, включая ранние формы охоты, собирательства, кочевого скотоводства и земледелия, что существенно влияло на демографическую структуру и плотность населения. Особое внимание уделено автохтонным палеолитическим традициям Центральной Азии. Проведённый анализ каменной индустрии показывает технологический континуум от раннего к среднепалеолитическим индустриям, выявляет аналогичные типы ядер и приёмы расщепления, а также единичные инновационные формы, свидетельствующие о контактах с соседними регионами. Исследование подчёркивает значимость локального (автохтонного) развития культур Центральной Азии, выявляет закономерности миграций, адаптационных стратегий и технокультурной преемственности в среднем плейстоцене, систематизируя материалы о хозяйственно-культурных практиках раннего и среднего палеолита и уточняя вклад региона в эволюцию человеческих сообществ и их адаптацию к изменяющимся климатическим условиям.

Ключевые слова: археология, автохтонное развитие, миграции, палеоэкология, Центральная Азия, ранний палеолит, средний палеолит, адаптация, палеолитические индустрии

**PALEOECOLOGICAL CONDITIONS, MIGRATIONS,
AND INDIGENOUS DEVELOPMENT OF CULTURES IN CENTRAL
ASIA DURING THE LOWER AND MIDDLE PALEOLITHIC****Kh.A. Nazarov**

The article provides a comprehensive analysis of the interrelations between climatic conditions, natural environment, and socio-cultural systems of Central Asia from the Paleolithic to historical periods. Emphasis is placed on the impact of glacial and interglacial phases on the transformation of the region habitability, the formation of "migration corridors," and the adaptation of ancient populations to changing ecological conditions. Periods marked by stability and resource abundance promoted the emergence of local economic and cultural traditions such as early hunting, gathering, nomadic herding, and farming, which substantially affected demographic structures and population density. Special attention is given to the indigenous Paleolithic traditions of Central Asia. The analysis of lithic industries reveals a technological continuum from early to Middle Paleolithic industries, identifies similar core types and flaking techniques, as well as isolated innovative forms indicating contacts with neighboring regions. The research underscores the significance of local development of the cultural in Central Asia, reveals migration trends, adaptive strategies, and technological-cultural continuity in the Middle Pleistocene, organizes data on Lower and Middle Paleolithic economic-cultural practices, and refines the understanding of the role of the region in human evolutionary history and ecological adaptation

Keywords: archaeology, indigenous development, migrations, paleoecology, Central Asia, Lower Paleolithic, Middle Paleolithic, adaptation, lithic industries

Климатические условия Центральной Азии в плейстоцене, особенно в период Среднего плейстоцена, играли ключевую роль в формировании адаптационных стратегий древних популяций. Чередование аридных и более увлажнённых фаз приводило к существенным изменениям ландшафтной структуры региона, смещению зон обитаемости и трансформации ресурсной базы. В условиях климатической нестабильности население концентрировалось в предгорных районах и речных долинах, где сохранялись водные источники и охотничьи ресурсы, тогда как в относительно стабильные межледниковые периоды происходило расширение освоенных территорий и закрепление локальных технологических традиций. Таким образом, палеоэкологическая динамика региона выступала не фоновым фактором, а структурообразующим механизмом, определявшим характер миграций, плотность расселения и формирование устойчивых хозяйственно-культурных комплексов (Doniyorov et al., 2024).

Динамика хозяйственно-культурного развития в Центральной Азии тесно коррелировала с изменениями природной среды и ресурсной базы. В эпоху раннего и среднего палеолита основу жизнедеятельности составляли охотничье-собираТЕЛЬские стратегии, эффективность которых напрямую зависела от продуктивности ландшафта и сезонной доступности фаунистических ресурсов. Пространственная организация расселения определялась необходимостью поддержания баланса между мобильностью групп и концентрацией в ресурсно насыщенных зонах, прежде всего в предгорных районах и долинах рек. Позднейшие формы хозяйства — скотоводство и земледелие — в данном контексте рассматриваются как результат длительной адаптационной эволюции, корни которой восходят к палеолитическим моделям освоения природной среды. Этнографические и археоэкономические исследования подтверждают зависимость плотности населения от природной продуктивности ландшафта. По данным, приведённым Н.Н. Воронцовым, численность доаграрных коллективов определялась объёмом ежегодного прироста биомассы и доступностью охотничьих ресурсов.

Так, тундровые территории площадью около 100 км² могли обеспечивать существование 1–2 человек, таёжные — до 3, лесные

зоны умеренного пояса — 7–8. Лесостепные ландшафты отличались наибольшей продуктивностью (до 15–17 человек), тогда как степные и полупустынные территории ограничивали плотность населения примерно до 8 человек. Средиземноморский тип ландшафта обеспечивал около 10–12 человек на аналогичной площади (Воронцов, 1999).

Представленные данные отражают прямую зависимость демографической динамики от природной продуктивности ландшафта. В условиях плейстоценовых климатических колебаний изменение площади ресурсно обеспеченных территорий определяло плотность расселения и мобильность групп: в аридные фазы сокращение кормовой базы усиливало миграционную активность и концентрацию населения в устойчивых экотонах, тогда как в гумидные периоды происходило расширение освоенных пространств. Тем самым демографические процессы раннего и среднего палеолита Центральной Азии определялись преимущественно динамикой природной среды и доступностью ключевых ресурсов. В сопоставлении с сопредельными территориями Ближнего Востока предгорья Тянь-Шаня и Памиро-Алая в Среднем плейстоцене формировали экологические ниши, функционально сходные с ландшафтами Передней Азии, что создавало условия для периодических контактов и обмена технологическими традициями при сохранении локальной специфики. Анализ взаимосвязи природных условий, мобильности групп и структуры каменной индустрии позволяет реконструировать адаптационные механизмы и уточнить характер миграционных процессов в пределах Евразии. Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем палеоэкологический анализ, технико-типологическое и сравнительно-стратиграфическое изучение материалов Малого Каратау, Кызылтау, Оби-Рахмата, Угама, Вахша, Кошкургона и Шоктаса, включая морфологическую классификацию нуклеусов и орудий, анализ способов расщепления, вторичной обработки и сырьевой базы с учётом палеоклиматических реконструкций Среднего плейстоцена.

Технико-типологический анализ проводился с учётом формы заготовки, характера ударной площадки, направления и последовательности снятий, а также степени и типа вторичной обработки. Отдельное внимание

уделялось влиянию сырья на морфологическую стандартизацию изделий. Статистическая обработка включала количественный анализ соотношения категорий нуклеусов и орудий, что позволило выявить структурные параметры индустрий и сопоставить комплексы в рамках единой методической схемы; интерпретация осуществлялась с привлечением палеоклиматических реконструкций, отражающих чередование аридных и гумидных фаз как факторов динамики зон обитаемости и направлений миграционных потоков (Finestone et al., 2022).

Комплексный анализ источников позволил рассмотреть индустрии раннего и среднего палеолита Центральной Азии в контексте локальной технологической эволюции и возможных межрегиональных взаимодействий. Сопоставление комплексов осуществлялось по совокупности устойчивых технико-типологических признаков, включая типологию нуклеусов, способы и направленность расщепления, характер и интенсивность ретуши, а также особенности сырьевой базы и степень её влияния на морфологию изделий. Такой подход позволил выявить структурные закономерности индустрий и оценить степень их преемственности без абсолютизации отдельных типологических показателей.

В течение Среднего плейстоцена климатическая динамика Центральной Азии определялась чередованием аридных и более увлажнённых фаз, что существенно трансформировало структуру ландшафтов и доступность ресурсов. В межледниковые периоды расширялись степные и лесостепные зоны, увеличивалась концентрация фаунистических ресурсов и формировались устойчивые территории обитания; напротив, в фазы аридизации сокращались продуктивные пространства и население концентрировалось в предгорных районах и долинах постоянных водотоков, где складывались рефугиальные зоны. Такая пространственная перестройка ресурсной базы усиливала мобильность групп и способствовала формированию повторяющихся миграционных маршрутов. Палеоклиматические реконструкции и археологические данные свидетельствуют, что стоянки раннего палеолита степных и пустынных зон региона могли функционировать как элементы более широкой системы расселения древних гоми-

нид в Евразии в фазы климатического оптимума (Finestone et al., 2022).

Накопленные археологические данные свидетельствуют о существенной роли автохтонного развития в формировании палеолитических индустрий Центральной Азии как на этапе перехода от среднего к верхнему палеолиту, так и в более ранний период эволюции каменной технологии. Ключевое значение для изучения нижнего палеолита региона имеют материалы, выявленные на склонах Малого Каратау на юге Казахстана. С конца 1990-х гг. в ходе работ Российско-Казахстанской экспедиции были собраны и систематизированы сопоставимые по хронологии комплексы северо-восточных склонов Каратау, включая местонахождения Бориказган, Таннирказган и Акколь (Деревянко, 2003; Цыбанков, 2004). Проведённая морфологическая классификация и статистическая обработка коллекций выявили устойчивость технико-типологических признаков, что позволяет интерпретировать рассматриваемые комплексы как результат длительного локального технологического развития, обусловленного спецификой палеоэкологических условий и характером сырьевой базы региона.

Природно-сырьевой контекст Кызылтау оказывал непосредственное влияние на морфологические и технологические особенности инвентаря. Выходы кремнённого известняка, представленные обнажениями и осыпями, расчлёнными оврагами, обеспечивали доступ к пластичному и относительно легко обрабатываемому сырью. Прилегающие равнинные участки с системой озёр и водоёмов формировали устойчивые зоны концентрации ресурсов, вдоль берегов которых локализовались стоянки. Тугаи и пойменные экосистемы создавали благоприятные условия для обитания крупных копытных, что делало район привлекательным для охотничьих коллективов.

Протяжённость памятников на десятки километров позволяет квалифицировать их как систему открытых стоянок, часть которых использовалась многократно и, вероятно, в течение длительного времени. Количественные показатели (площадка 1 — 10 536 артефактов при площади 25 м²; площадка 2 — 4709 артефактов при 18 м²) свидетельствуют о высокой интенсивности деятельности. Различия в степени дефляции и патинизации

изделий указывают на многократные эпизоды заселения и одновременность накопления материала (Деревянко, 2003; Цыбанков, 2004). При этом учитывалась вариативность исходного сырья: фрагменты известняка различной плотности по-разному реагировали на атмосферные воздействия, что отражается в степени сохранности артефактов.

Результаты технико-типологической классификации нуклеусов из комплексов Каратау ($n = 1017$) демонстрируют чёткую структурную направленность индустрии. Преобладают дисковидные (38%) и веерообразные (34%) формы, суммарно составляющие около 72% выборки. Ортогональные разновидности представлены приблизительно 5%. Нуклеусы параллельного расщепления (одноплощадочные и двуплощадочные) образуют около 15%. Кроме того, зафиксированы призматические формы (более 19%), а также нуклеусы

расщепления в среднепалеолитических индустриях. Данная тенденция отражает не резкий культурный разрыв, а постепенное технологическое усложнение в рамках локальной традиции, адаптированной к региональной сырьевой базе и палеоэкологическим условиям Среднего плейстоцена.

К веерообразным нуклеусам, традиционно описываемым в рамках клетонской индустрии, отнесены овальные ядрища с ударной площадкой, занимающей от 1/4 до 1/3 периметра гальки. Негативы снятий сходятся к дистальному концу, обеспечивая получение удлинённых треугольных отщепов и пластинчатых заготовок. При увеличении протяжённости ударной площадки свыше 1/2 периметра такие формы классифицируются как дисковидные. Суммарная доля дисковидных и веерообразных нуклеусов достигает около 80% выборки, что свидетельствует о домини-

Таблица 1. Структура нуклеусов в индустриях Центральной Азии (ранний-средний палеолит).

Table 1. Structure of core eypes in the lithic industries of Central Asia (Lower-Middle Paleolithic).

Тип нуклеусов	Каратау ($n=1017$), %	Оби-Рахмат	Кошкурган 1	Шоктас 1
Дисковидные	38,0	++	++	++
Веерообразные	34,0	+	++	++
Ортогональные	~5,0	+	+	+
Параллельного расщепления	~15,0	++	++	++
Призматические	>19,0	+++	+	++
Леваллуазские	<1,0	+++	++	+++

Примечание: +++ — доминирующая категория (>30%); ++ — устойчивая представленность (10–30%); — редкие формы (<10%); ~ — приблизительное значение.

беспорядочного расщепления с элементами круговой оббивки. В отдельных случаях отмечены леваллуазские черты, представленные единичными экземплярами.

Подобная структура свидетельствует о доминировании дисковидно-веерообразной традиции расщепления, характерной для клетонского круга индустрий средних широт Евразии, при наличии отдельных технологических элементов, указывающих на постепенное усложнение техники расщепления.

Сопоставление демонстрирует эволюционную динамику от доминирования дисковидно-веерообразной техники расщепления в раннепалеолитических комплексах к усилению призматического и леваллуазского

расщепления в среднепалеолитических индустриях. Наряду с ними представлены ортогональные формы и редкие нуклеусы параллельного расщепления с леваллуазскими чертами, придающие индустрии переходный характер.

Морфологические различия между веерообразными и дисковидными формами во многом обусловлены пропорциями ударной площадки и направлением снятий; при определённых приёмах веерообразный или двуплощадочный нуклеус мог трансформироваться в дисковидный. Это отражает внутри-традиционную вариативность, а не присутствие разнородных культурных компонентов. Зафиксированы также вторичные нуклеусы на массивных сколах, полученных от крупных

галеk или блоков сырья — приём, характерный и для оби-рахматской культуры, хотя в ином количественном соотношении (Деревянко, 2017). По технике расщепления материалы Каратау особенно близки стоянке Тешик-Таш.

Вторичная обработка орудий представлена преимущественно лёгкой ретушью и подтёской; интенсивная крутая ретушь практически отсутствует. Ретушь чаще наносилась со стороны брюшка отщепы, преобладает чешуйчатая, реже — ступенчатая; на толстых заготовках она нередко переходит в крупные утончающие сколы. Зафиксированы единичные случаи бифасной и чередующейся ретуши, а также крупные клектонские выемки (анкоши) на массивных сколах. Основную категорию ретушированных изделий составляют прямые скребла с чешуйчатой, иногда выравнивающей ретушью вдоль латерального края. Отмечена также техника намеренного рассечения отщепов и пластин, характерная для оби-рахматской традиции.

Орудийный комплекс Каратау ($n = 621$) представлен преимущественно крупными ретушированными отщепами (около 75%). К редким категориям относятся выемчатые орудия и скребла с интенсивной чешуйчатой ретушью (примерно по 5%). Часть скребел на нуклевидных обломках морфологически сопоставима с образцами из Оби-Рахмата. Значительную группу составляют тяжёлые ретушированные пластины (около 7%) с зубчатой, неравномерной по глубине

отщепов и грубых пластин, интерпретируемые также как полиэдрические или плоские резцы. Зафиксированы клювовидные формы, оформленные двумя глубокими встречными сколами. Отмечены и изделия с заоваленным абрисом, внешне сходные с рубилами, однако лишённые характерной ашельской заострённости, известной по материалам Мугожара.

К редким категориям относятся галечные орудия, изготовленные на небольших гальках посредством двусторонней отески. Более распространены нуклевидные изделия на массивных фрагментах породы с крутым скользящим рабочим краем, которые могут быть интерпретированы как орудия скребкового типа. Зафиксированы также крупные массивные отщепы с ретушью по режущему краю, функционально сходные с рубящими формами.

Совокупно изделия на гальках, массивных отщепах, обломках и переработанных нуклеусах составляют около 5% орудийного набора. Эти количественные показатели не подтверждают ранее высказывавшееся мнение о «галечном характере» индустрии Каратау. В целом коллекции северных склонов Каратау характеризуются преобладанием орудий на отщепах, что позволяет рассматривать их в русле отщеповых индустрий средних и высоких широт Евразии (Mode 1).

Вопрос соотношения галечных орудий и нуклеусов на гальках имеет принципиальное значение для культурно-хронологи-

Таблица 2. Структурные параметры орудийных комплексов индустрий Центральной Азии (ранний-средний палеолит).

Table 2. Structural parameters of tool assemblages in the lithic industries of Central Asia (Lower-Middle Paleolithic).

Категория изделий	Каратау ($n = 621$)	Оби-Рахмат	Кошкурган 1	Шоктас 1
Ретушированные отщепы	≈75%	Высокая доля	Доминируют	Доминируют
Скребла	≈5%	Значительная доля	Представлены	Значительная доля
Резцы / струги / скобели	Единичные	Диагностическая категория	Редкие	Редкие
Изделия типа <i>bek burinât alterné</i>	Единичные	Характерная форма	Не зафиксированы	Редкие
Галечные орудия	≈5%	Присутствуют	Присутствуют	Присутствуют
Нуклевидные изделия	Представлены	Представлены	Представлены	Представлены

и протяжённости ретушью, нередко латеральной или двусторонней. Единично представлены резцы, струги и скобели на концах

ческой атрибуции комплексов. В историографии интерпретации материалов Каратау существенно различались. Х.А. Алпысбаев

первоначально относил находки к шелль-ашельскому кругу (Алпысбаев, 1961, 1970; Алпысбаев, Костенко 1972). В дальнейшем, под влиянием В.А. Ранова и других исследователей, часть изделий была выделена как галечные орудия и сопоставлена с соанской культурой (Деревянко и др., 2002), хотя отдельные формы продолжали интерпретироваться как рубила. З.А. Абрамова подвергла такую атрибуцию критике, указав на необходимость более строгого разграничения галечных орудий и нуклеусов (Абрамова, 1984). А.Г. Медоев, напротив, рассматривал материалы восточных склонов Каратау в контексте леваллуазской традиции (Медоев, 1982). Развёрнутый анализ коллекций Южного Каратау представлен в XI томе труда А.П. Деревянко (Деревянко, 2017).

Таким образом, расхождения в интерпретациях во многом обусловлены различными подходами к разграничению понятий «галечное орудие» и «нуклеус на гальке». Проведённый количественный и морфологический анализ позволяет утверждать, что индустрия Каратау не является галечной по своей структуре, а демонстрирует устойчивую отщеповую технологическую традицию.

Различия в интерпретациях во многом связаны со стремлением соотнести материалы Каратау со схемой Х. Мовиуса (Movius, 1948), предполагающей разделение индустрий Евразии по наличию или отсутствию ручных рубил. Существенным источником противоречий является изготовление значительной части нуклеусов на галечном сырье. При использовании простой ударной техники морфологические различия между нуклеусами и галечными орудиями сглаживаются, что затрудняет их однозначную атрибуцию.

Подобные методологические трудности отмечены и в других регионах. Так, галечные нуклеусы клектонской индустрии (Англия) морфологически сходны с галечными орудиями и в отдельных случаях могли использоваться как таковые (Брей, Трамп, 1990). При этом наличие единичных бифасов в коллекциях Берхема не послужило основанием для пересмотра культурно-исторической принадлежности индустрии, что подчёркивает необходимость комплексного, а не формального подхода к интерпретации отдельных категорий изделий.

При формальной морфологической оценке часть веерообразных нуклеусов на гальках из коллекций Каратау действительно может быть интерпретирована как галечные орудия, особенно при опоре исключительно на иллюстративный материал. Однако разграничение проводилось на основе совокупности признаков: массы изделия, характера ударной площадки и направленности снятий. Нуклеусы на гальках, как правило, отличаются крупными размерами (до 3–4 кг) и наличием фасетированной ударной площадки, с которой вдоль плоской поверхности снималась серия удлинённых треугольных сколов. Галечные орудия, напротив, изготовлены на небольших плоских гальках (обычно до 1 кг), удобных для удержания в руке, и формировались двусторонней отеской с созданием рабочего лезвия.

Распространение галечных орудий в Средней Азии, по-видимому, коррелирует с использованием мелкогалечного сырья, как это фиксируется на Кутурбулаке (Самаркандская область) и Карабуре (юг Таджикистана). Однако даже в этих случаях функциональная возможность использования нуклеуса в качестве орудия не означает их типологического тождества. В условиях Малого Каратау, где наряду с блоками материковых пород широко представлены россыпи крупной гальки, в орудийном комплексе безусловно доминируют изделия на отщепах, что подтверждает отщеповой характер индустрии.

Отдельные галечные орудия фиксируются как в комплексе Оби-Рахмат, так и на типологически близких памятниках; их относительная доля несколько выше в коллекциях Тешик-Таша. Однако в обоих случаях они не определяют культурно-хронологическую атрибуцию комплексов. Так, несмотря на трактовку Х. Мовиуса, рассматривавшего Тешик-Таш как памятник «восточноазиатского» круга (Movius, 1948), большинство исследователей относят его к леваллуа-мустьерской традиции Ближнего Востока.

Принципиально важно, что местонахождения Кызылтау вовсе не содержат галечных орудий (Деревянко, 2003; 2019), при общем объёме коллекции свыше 16 тыс. артефактов. По данным А.А. Цыбанкова, различия в степени дефляции и патинизации позволили выделить четыре хронологических этапа — от древнейших до позднепалеолитических,

при этом индустрия в целом демонстрирует гомогенность и преемственность технологических признаков (Цыбанков, 2004). Эти данные существенно ослабляют гипотезу о «галечном» характере ранних комплексов региона.

Следует учитывать, что историко-культурные реконструкции, основанные на археологических материалах, по своей природе носят вероятностный характер. Особенно это касается разграничения понятий «галечное орудие» и «нуклеус», когда индустрия базируется на галечном сырье, как в случае подъёмных материалов склонов Каратау. Тем не менее комплексный морфологический анализ позволяет с высокой степенью вероятности дифференцировать рубящие формы и нуклеусы на гальках. При этом функциональная трансформация нуклеуса в орудие и наоборот отражает технологическую гибкость, что оправдывает использование термина «нуклеовидное орудие».

Более значимыми для реконструкции культурно-исторического положения нижнего палеолита Каратау являются редкие формы, типологически родственные среднепалеолитическим комплексам Средней Азии, прежде всего оби-рахматской культуре. К ним относятся резцы на грубых пластинах и отщепках, изделия с подтёской ударной площадки и усечённые ретушированные формы. Приёмы мелкой подтёски вокруг бугорка отщепа, фиксируемые в этих материалах, характерны для оби-рахматской традиции. В коллекции грота Оби-Рахмат аналогичные изделия определены как струги и скобели. Отмечены также смежные анкоши на концах сколов, формирующие клювовидные или короткие резцовые формы (*bek burinât alterné*), которые получают полное развитие именно в комплексах оби-рахматской культуры (Деревянко, 2017).

Сопоставительный анализ показывает, что в раннепалеолитических индустриях северо-восточных предгорий Каратау отсутствуют категории, принципиально отличные от набора более поздней оби-рахматской культуры. В ранних комплексах доминируют дисковидные, веерообразные и ортогональные нуклеусы клектонского облика, тогда как в среднем палеолите возрастает роль одноплощадочных призматических форм пластинчатого расщепления. Аналогичная эволюция прослеживается и в орудийных наборах — от массивных

архаических форм к стандартизированным ретушированным пластинам. В Кызылтау зафиксированы струги и «орудия с носиком» (*bek burinât alterné*), выступающие диагностическими признаками оби-рахматской традиции.

Совокупность этих данных позволяет предполагать генетическую связь оби-рахматской культуры с автохтонной раннепалеолитической индустрией клектонского типа Средней Азии (Mode 1). Такая модель представляется более вероятной, чем её прямое происхождение от леваллуа-мустьерских комплексов Ближнего Востока. Географическая близость Каратау, Оби-Рахмата и Тешик-Тапа и их расположение в единой экологической зоне западных предгорий Тянь-Шаня создавали условия для устойчивых контактов и постепенной технологической трансформации.

Для Малого Каратау и оби-рахматской культуры характерны грубые скобящие формы типа «рабо», которые в Оби-Рахмате приобретают более стандартизированные очертания. Эти изделия связаны с орудиями на концах массивных отщепов и пластин (струги, скобели усечённо-тронкированного типа), которые могли функционировать как вторичные нуклеусы. Сходство и различия индустрии Оби-Рахмата и комплекса Табун D отмечены Р.Х. Сулеймановым (Сулейманов, 1972; Fuensanta et al., 2019).

Наличие культурных контактов между Центральной Азией и Ближним Востоком не вызывает сомнений и подтверждается совокупностью археологических данных. Однако совпадение ключевых диагностических признаков индустрий нижнего палеолита степной зоны Центральной Азии с индустриями пещерных памятников региона в эпоху среднего палеолита позволяет рассматривать их не только в контексте межрегиональных связей, но и как результат внутренней генетической преемственности.

Дополнительные аргументы в пользу данной гипотезы предоставляют материалы, выявленные в 2012 г. в долине северного притока р. Чирчик (правобережье р. Угам). Подъёмный материал, морфологически идентичный индустрии грота Оби-Рахмат, был зафиксирован в зоне разрушения культуросодержащего горизонта. Последующее обследование в 2013 г. установило наличие погребённой почвы четвертичного возраста на высоте

50–70 м над поймой реки, где в небольшом разведочном раскопе (3×2 м; глубина 130 см) получен *in situ* комплекс изделий оби-рахматского облика (Сулейманов и др., 2014).

Каменные изделия из Угама изготовлены из того же розоватого кремня, что и материалы Оби-Рахмата, и демонстрируют идентичные технико-типологические характеристики. Выходы этого сырья фиксируются в обнажениях скальной гряды, что подтверждает локальный характер ресурсной базы. Таким образом, местонахождение Угама занимает промежуточное положение между Оби-Рахматом и Малым Каратау и усиливает аргументацию в пользу региональной технологической преемственности.

Сопоставимые параллели фиксируются и за пределами Казахстана. В Южном Таджикистане, в долине р. Вахш, выявлены индустрии сходного облика, датируемые 100–300 тыс. лет (Ранов, Шефер, 2000), что соответствует хронологии среднего палеолита. На юге Казахстана открытые стоянки Кошкурган 1 и Шоктас 1 демонстрируют иной вариант адаптации к локальным природно-сырьевым условиям.

По данным А.П. Деревянко, в коллекции Кошкургана 1 ($n = 3436$) доминирует кварц (46%), далее следуют крупнозернистый песчаник (17%), кремь (14,5%), кремнистый известняк (7,9%), кварцит (6%), тонкозернистый песчаник (5%), эффузивы (4%) и гравелиты (0,5%). Ограниченность и неоднородность сырья обусловили миниатюризацию и аморфность изделий: размеры варьируют от 2 до 7 см, большинство орудий не превыша-

ет 5 см. Технология представлена леваллуазскими и биполярными нуклеусами наряду с аморфными формами; часть изделий изготовлена на расколотых гальках.

Аналогичная картина наблюдается в Шоктас 1 ($n = 1479$): кварц (33%), кремь (27%) и кварцит (31%) составляют основу сырьевой базы. Более высокое содержание кремня способствовало более широкому применению леваллуазской техники и получению продольных ретушированных скребел (Деревянко, 2017).

Таким образом, вариативность размеров и морфологии изделий в указанных комплексах определяется прежде всего качеством и доступностью сырья, а не принципиально различными культурными традициями. Это обстоятельство подтверждает, что в пределах Центральной Азии прослеживается единая технологическая линия развития, модифицируемая локальными палеоэкологическими условиями.

Сопоставление материалов южнотаджикских галечно-отщеповых индустрий с комплексами Кошкургана 1 и Шоктаса (Казахстан), датированных по костным останкам в пределах 500–178 тыс. лет, выявляет принципиальные различия. Как подчёркивает А.П. Деревянко, «между местонахождениями Кульдара и стоянками Кошкурган 1 и Шоктас 1–3 в Казахстане не отмечается никаких аналогий по технико-типологическим показателям. Их объединяет только малоразмерность каменного инвентаря» (Деревянко, 2017).

Таблица 3. Сырьевая база индустрий Центральной Азии и её морфо-технологические последствия.
Table 3. Raw material resources of the lithic industries of Central Asia and their morpho-technological implications

Памятник	Доминирующее сырьё	Удельный вес	Морфо-технологические особенности
Каратау	Окремнённый известняк	Преобладает	Крупные нуклеусы, развитая отщеповая техника
Кызылтау	Известняк, кремнистые породы	Преобладают	Гомогенность индустрии, стабильность форм
Кошкурган 1	Кварц	46%	Миниатюризация изделий, аморфность форм
Шоктас 1	Кварцит (31%), кварц (33%), кремь (27%)	Смешанный состав	Более выраженная леваллуазская техника
Оби-Рахмат	Розоватый кремь	Преобладает	Пластинчатое расщепление, развитая вторичная обработка

Наиболее близкие параллели индустриям Кошкургана и Шоктаса выявляются в материалах Малого Каратау и Кызылтау. Наблюдаемые различия в размерах изделий между Кошкурганом и Каратау, по-видимому, обусловлены спецификой доступной сырьевой базы, что подтверждается сравнительным анализом (табл. 3). Следовательно, морфотехнологическая вариативность комплексов региона определяется прежде всего качеством и структурой сырья, а не их культурной принадлежностью.

Проведённый анализ позволяет датировать ранний палеолит Малого Каратау и Кызылтау интервалом 500–178 тыс. лет, что согласуется с хронологией комплексов Кошкургана и Шоктаса. Пластинчатая индустрия среднего палеолита долины Вахша (200–100 тыс. лет) может рассматриваться как результат эволюционного развития северной клектонской традиции Казахстана с ранним формированием элементов леваллуазской техники.

Сопоставление материалов Малого Каратау, Кызылтау, Кошкургана, Шоктаса, Обирахмата, Тешик-Таша, Угама и Вахша свидетельствует о существовании в Центральной Азии единой региональной культурно-технологической линии, охватывающей период от

раннего до среднего палеолита. Различия в морфологии и размерах артефактов обусловлены преимущественно качеством сырья, тогда как принципы расщепления и структура нуклеусов демонстрируют устойчивую преемственность. Усиление пластинчатого и леваллуазского расщепления отражает технологическое усложнение без разрыва с ранней традицией; единичные ближневосточные параллели указывают на контакты, но не на замещение локальной основы.

Палеоэкологическая динамика Среднего плейстоцена выступала ключевым фактором расселения, формируя миграционные коридоры и зоны концентрации населения в предгорьях Тянь-Шаня и Памиро-Алая. В этих условиях складывались устойчивые автохтонные традиции обработки камня, адаптированные к локальной сырьевой базе и сохранявшие преемственность при включённости региона в общеевразийские процессы.

Таким образом, индустрии раннего и среднего палеолита Центральной Азии представляют собой структурированную эволюционную систему, уточняющую место региона как самостоятельного центра технологического развития плейстоценовой Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР / Археология СССР. Т. 5 (20) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 302–134.
- Алтысбаев Х.А. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане // СА. 1961. № 1. С. 128–138.
- Алтысбаев Х.А. Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М. К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука АН КазССР, 1970. С. 227–240.
- Алтысбаев Х.А., Костенко Н.Н. Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 5–20.
- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 367 с.
- Воронцов Н.Н. Экологические кризисы в истории человечества // Соросовский образовательный журнал. 1999. № 10. С. 2–10.
- Деревянко А.П. Две основные миграционные волны древних популяций человека в Азию // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2003. С. 11–24.
- Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. II. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 883 с.
- Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. IV. Ашельская и бифасальная индустрия в Китае, Корее, Монголии, Туркменистане, Узбекистане и на Кавказе. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 947 с.
- Деревянко А.П., Холушкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т. Корреляция среднепалеолитических индустрий Ближнего Востока и Кавказа. Новосибирск: СО РАН, 2002. 188 с.
- Медоев А.Г. Геоархеология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982. 48 с.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 20–33.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: ФАН, 1972. 170 с.

Сулейманов Р.Х., Подушкин А.Н. Новое местонахождение среднего палеолита в долине реки Угам // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 626–638.

Цыбанков А.А. Палеолитические комплексы Кызылтау (Южный Казахстан). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 28 с.

Doniyorov A., Karimov N., Bakhtiyarov S., Abidova Z., Morkhova I., Kaldibekova A., Muminov A. Distinctive Architectural Technique in the Construction of Religious Structures in Central Asia // Archives for Technical Sciences. 2024. No. 2 (31). P. 351–358.

Finestone E.M., Breeze P.S., Breitenbach S.F.M., Drake N., Bergmann L., Maksudov F., Muhammadiyev A., Scott P., Cai Y., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Nehrke G., Boivin N., Petraglia M. Paleolithic occupation of arid Central Asia in the Middle Pleistocene // PLOS ONE. 2022. October 21. 31 p.

Fuensanta J.G., Suleymanov R.K., Muminov O.U., Muminov A., Annaev J.T. Yerkurgan, los valles de Surjandarya y Kashkardarya: Surpad, primeros resultados de un proyecto arqueohistórico Hispano-Uzbeko // Orientalística en tiempos difíciles: Actas del VII Congreso Nacional del Centro de Estudios del Próximo Oriente. 2019. P. 167–182.

Movius H.L. The Lower Paleolithic Cultures of Southern and Eastern Asia // Transactions of the American Philosophical Society. 1948. Vol. 38. No. 4. P. 12–20.

Информация об авторе:

Назаров Хумоюн Алишеревич, PhD, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); humoyunjon1992@gmail.com

REFERENCES

Abramova, Z. A. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Paleolit SSSR (Paleolithic of USSR)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 5(20). Moscow: "Nauka" Publ. 302–134 (in Russian).

Alpysbaev, Kh. A. 1961. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 128–138 (in Russian).

Alpysbaev, Kh. A. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Footsteps of the Ancient Cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 227–240 (in Russian).

Alpysbaev, Kh. A., Kostenko, N. N. 1968. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Novoe v arkheologii Kazakhstana (Recent studies in the Archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 5–20 (in Russian).

Bray, W., Trump, D. 1990. *Arkheologicheskiy slovar' (The Penguin dictionary of archaeology)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).

Vorontsov, N. N. 1999. In *Sorosovskii obrazovatelnyi zhurnal (Soros Educational journal)* 10, 2–10 (in Russian).

Derevyanko, A. P. 2003. In Tishkov, V. A. (ed.). *Trudy Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN (Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences RAS)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 11–24 (in Russian).

Derevyanko, A. P. 2017. *Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii: (Three global human migrations in Eurasia)*. II Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Derevyanko, A. P. 2019. *Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii. Tom IV. Ashel'sskaya i bifasial'naya industriya v Kitaye, Koreye, Mongolii, Turkmenistane, Uzbekistane i na Kavkaze (Three global human migrations in Eurasia. Vol. IV Acheulean and bifacial industry in China, Korea, Mongolia, Turkmenistan, Uzbekistan, and the Caucasus)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Derevyanko, A. P., Kholyushkin Yu.P., Rostovtsev P.S., Voronin V.T. 2002. *Korrelyatsiya srednepaleoliticheskikh industriy Blizhnego Vostoka i Kavkaza (Correlation of Middle Paleolithic industries of the Near East and the Caucasus)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Medoev, A. G. 1982. *Geoarkheologiya paleolita Kazakhstana (Geoarchaeology of the Paleolithic of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ranov, V. A., & Schäfer, J. 2000. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2 (2), 20–33 (in Russian).

Suleymanov, R. Kh. 1972. *Statisticheskoe izuchenie kul'tury grotta Obi-Rakhmat (A statistical study of the culture of the Obi-Rakhmat grotto)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Suleymanov, R. Kh., Podushkin, A. N. 2014. In Khabdulina, M.K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan)*. Astana: "Saryarka" Publ., 626–638 (in Russian).

Tsybankov, A. A. 2004. *Paleoliticheskie komplekсы Kyzyltau (Yuzhnyy Kazakhstan) (Paleolithic complexes of Kyzyltau (Southern Kazakhstan))*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Novosibirsk (in Russian).

Doniyorov, A., Karimov, N., Bakhtiyarov, S., Abidova, Z., Morkhova, I., Kaldibekova, A., Muminov, A. 2024. In *Archives for Technical Sciences*, (2), 351–358.

Finestone, E. M., Breeze, P. S., Breitenbach, S. F. M., Drake, N., Bergmann, L., Maksudov, F., Muhammadiyev, A., Scott, P., Cai, Y., Khatsenovich, A. M., Rybin, E. P., Nehrke, G., Boivin, N., & Petraglia, M. 2022. In *PLOS ONE*. October 21.

Fuensanta, J. G., Suleymanov, R. K., Muminov, O. U., Muminov, A., Annaev, J. T. 2019. In *Orientalistica en tiempos difíciles: Actas del VII Congreso Nacional del Centro de Estudios del Próximo Oriente*, 167–182.

Movius, H. L. 1948. In *Transactions of the American Philosophical Society*, 38(4), 12–20.

About the Author:

Nazarov Khumoyun A. PhD in the History of Science, National University of Uzbekistan, named after Mirzo Ulugbek, University street 4, Tashkent city, Almazar district, 100174, Uzbekistan; humoyunjon1992@gmail.com

Статья поступила в журнал 13.02.2026 г.
Статья принята к публикации 17.02.2026 г.